

Изменения в предложно-падежном управлении при финско-русском двуязычии: корпусный анализ

Е. А. Власова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва; Хельсинкский университет (Финляндия); je.vlasova@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится корпусный анализ предложно-падежных нарушений в речи эритажных носителей финско-русского двуязычия, то есть принадлежащих второму поколению русских эмигрантов, проживающих в Финляндии. Показано, что при интенсивном языковом контакте двух флективных языков с развитыми системами падежного маркирования полной утраты управления в предложных группах и развития аналитизма почти не происходит, а недоосвоение морфосинтаксиса проявляется в широкой вариантивности корректных и аномальных форм косвенных падежей, обусловленных влиянием доминантного языка.

Ключевые слова: предложно-падежные группы, русский учебный корпус, эритажный русский, двуязычие, билингвизм, финский язык.

Morphosyntactic tendencies of Russian bilinguals in Finland: Corpus-based analysis of errors in prepositional phrases

Ye. A. Vlasova

National Research University Higher School of Economics; University of Helsinki (Finland); je.vlasova@yandex.ru

Abstract. This paper presents a corpus-based analysis of morphosyntactic errors made by Finnish Russian heritage speakers belonging to the second generation of Russian emigrants in Finland. This study focuses on the Russian prepositional phrase government, which is reportedly an unstable syntactic phenomenon in Russian varieties across the world. The research literature reports two regular contact-induced tendencies concerning violation of Russian grammatical rules after prepositions: a) a loss of case government and an overuse of the Nominative, which is a common non-standard

phenomenon among foreign language learners of Russian b) a mixture of oblique case forms, which is typical for Russian dialects and spoken language. This study identifies the regular changes, detected in a group of Russian heritage speakers in Finland, and explores to what extent the non-standard government originates from the structural properties of the dominant Finnish language. The data covers written production of university students, which are high-proficient Russian-Finnish bilinguals. The corpus-based approach combines basic statistical metrics and linguistic analysis of non-standard prepositional phrases. The results indicate strong tendency to overuse the Genitive instead of the Prepositional and the Instrumental, meanwhile the Nominative, manifesting the loss of government, occurs rarely in the prepositional phrase. The study reveals that the speech of bilingual speakers of two inflecting languages with ramified systems of case marking practically does not develop analyticity and attrition of case government in prepositional phrases. The incomplete acquisition of government manifests itself as a mixture of correct and incorrect forms of oblique cases induced by the prepositional pattern of the dominant language.

Keywords: prepositional phrases, Russian Learner Corpus, heritage Russian, bilingualism, Finnish language.

1. Вступительные замечания

В современной лингвистике активно исследуется речь русских эмигрантов второго поколения, оказавшихся в специфической языковой ситуации — в иноязычном окружении, в условиях раннего двуязычия и ограниченной коммуникации на русском языке, в отрыве от системы образования и культурного контекста. Особенности формирования языковой компетенции билингвов в иноязычной среде описаны в сборниках и монографиях [Цейтлин 2011; Юрков и др. 2012; Polinsky 2018]. Следствием перечисленных социолингвистических условий становится недоосвоение русского языка и устойчивое влияние на его систему доминантного языка окружения — указанные факторы приводят к появлению в речи билингвов специфических языковых инноваций. В лингвистике уже сложилась традиция рассматривать речь второго поколения эмигрантов как отдельный вариант — эритажный, или унаследованный язык [Рахилина 2014; Выренкова и др. 2014], который отличается рядом устойчивых черт от других региональных разновидностей русского языка, см. [Гловинская 2004; Вахтин и др. 2010].

Одним из нестабильных грамматических сегментов в речи эритажных носителей оказывается русское падежное управление [Мустайоки 1992; Протасова 2014; Никунласси, Протасова 2014]. По наблюдениям преподавателей, морфосинтаксические нарушения сохраняются даже после интенсивного обучения [Протасова 2012: 302, 305]. Известно, что в условиях языкового контакта падежное управление в предложных группах и вовсе утрачивается, а при предлоге используется форма именительного падежа, ср. примеры из монографии о таджикско-русском билингвизме: *принял решение о субботник* [Хашимов 2018: 238, 252–253]. Указанное явление задокументировано в большом количестве работ, описывающих контакт русского языка с языками аналитического строя, см. обзоры литературы [Polinsky 2018: 177–180; Rubinstein 1995: 409–410]. Настоящая статья содержит новые данные о нарушениях, возникающих в предложно-падежных сочетаниях при финско-русском двуязычии. Поставлена задача провести корпусное исследование и раскрыть особенности и механизмы изменения предложно-падежного управления у финско-русских студентов-билингвов в условиях контакта двух языков, в каждом из которых развита система падежного маркирования.

2. Корпусный метод исследования

В качестве инструмента исследования использован Русский учебный корпус RLC (Russian Learner Corpus), разработанный в Школе лингвистики под руководством Е. В. Рахилиной и А. С. Выренковой [Rakhilina et al. 2016]. Материал для анализа собран и подготовлен сотрудниками Хельсинкского университета Е. Ю. Протасовой и А. Никунласси: финско-русский эритажный корпус общим объемом 110 577 словоформ содержит 322 сочинения. Тексты для исследования собирались анонимно на протяжении нескольких лет в рамках университетских курсов в группах для студентов-билингвов с «домашним» русским, владеющих языком на высоком уровне. Количество сочинений на одну и ту же тему свидетельствует о том, что материал поступил от 23 информантов: в корпусе зарегистрировано 14 разных авторов в 2015–2016 гг. и 9 разных авторов в 2016–2017 гг. Сочинения представляют собой письменные неакадемические тесты, включающие рецензии на документальные и художественные фильмы (27 работ),

14 рассказов — описаний картинок по изданию [Протасова, Салатов 2015], а также несколько эссе о путешествиях, учебе, работе и отдыхе, спорте, временах года, жизни в городе, чтении и книгах, друзьях, одежде и моде, праздниках, семье, животных, различиях между финнами и русскими. Коллекция текстов также содержит несколько сочинений об истории, политике, обществе, мультикультурализме, растительном и животном мире.

Процедура анализа включала ручную разметку ошибок, проводившуюся автором статьи и аспиранткой Хельсинкского университета Марией Хокканен, проект поддержан фондом Kone Foundation (Финляндия). Анонимное авторство работ значительно ограничивает возможности исследования, так как не позволяет отличать индивидуально-авторские инновации от общегрупповых тенденций. Русский учебный корпус, однако, решает задачи, которые ранее не ставились при описании нестандартных вариантов русского языка: появляется возможность не только документировать наблюдаемые нарушения, но и определить среди них регулярные и редкие явления, а также оценить направление и интенсивность языковых изменений на основании количественных данных. Далее при цитировании примеров сохраняется орфография и пунктуация авторов сочинений, в скобках указывается номер текста в корпусе.

3. Особенности нарушений и процедура разметки

Процедура выявления и классификации нарушений состояла из двух этапов. Сначала проведена сплошная вычитка и первичная разметка аномальных форм. На данном этапе выявлено несколько важных особенностей нарушений предложно-падежного управления.

Во-первых, в корпусе есть тексты, не содержащие ошибок в управлении, в том числе в предложно-падежных группах, то есть недоосвоение морфосинтаксиса свойственно не всем исследуемым носителям финско-русского двуязычия, ср. пример, не содержащий грамматических ошибок:

- (1) Это, наверное, самое лучшее в моей квартире, потому что у меня очень много одежды и обуви, и раньше, когда я жила с родителями, вся моя одежда весела на стенах в моей комнате (4139).

Во-вторых, у тех носителей, у которых наблюдаются нарушения в предложно-падежных сочетаниях, аномалии возникают непоследовательно, ср.:

- (2) Всё-таки, тема документального фильма знакомая и это помогает следить за событиями. Во второй части было очень интересно рассказано о отношения *между Екатерины Великой и Петра...* Смерть Павела I-ого потрясло, кажется, потому что про Павела я мало знала. Несомненно, всё о Наполеоне было очень интересно. Это был самый сложный документальный фильм. В нём было интересно рассказано *о Хаджи Мурата*. Я узнала много нового о Транссибе. Очень интересная часть, много культуры и искусства. Информация *о писателей*, например *о Бунина* очень интересная, но мне больше всех понравился Распутин (4174).

Пример (2) интересен тем, что морфосинтаксические нарушения встречаются регулярно, при этом в пределах одного текста при одном и том же предлоге наблюдаются как правильные формы (*о Наполеоне, о Транссибе*), так и аномальные (**о писателей, *о Бунина, *о Хаджи Мурата* и др.). Правильные и некорректные словоформы часто появляются даже внутри одной предложно-падежной группы, ср.:

- (3) и люди толпятся *на платформах и остановок* (4324)

Проанализированные примеры свидетельствуют о том, что у исследуемых эритажных носителей базовый механизм падежного формообразования и управления сформирован, однако нестабилен в письменной речи, предполагающей возможность самокоррекции. Наблюдаемое варьирование аномальных и корректных форм в идиолекте одного носителя — известное явление, зарегистрированное и в других нестандартных вариантах русского языка, например, в детской речи [Цейтлин, Абабкова 2011: 180–183] и диалектах [Пожарицкая 2005: 11].

Исследовательский вопрос состоит в том, чтобы выяснить, носят ли нарушения случайный характер или же подчиняются системным языковым тенденциям. Для этого проведена вторичная разметка текстов, состоявшая из двух процедур: 1) из корпуса выгружены все предложно-падежные сочетания при помощи функций «Поиск по частям речи», «Предлог»; 2) произведена классификация нарушений в предложно-падежных сочетаниях и вторичная разметка с целью устранить «шумы»: контексты, не поддающиеся однозначной интерпретации, объединены в три группы.

В первую группу вошли слова, у которых фонетически слабо различаются флексии. Для эритажных носителей, как правило, характерно не только неполное освоение литературной орфографической нормы, но и отражение на письме фонетических особенностей доминантного языка. В исследуемых работах финско-русских студентов наблюдается регулярная путаница окончаний *-ии* и *-ий* у слов с *j*-основами, например:

- (4) не имеют представление какого это было жить в мире *без развлечении* в виде разной *технологий* (4132)
- (5) в статье описываются наглые финны, жёны которых знают *об их увлечений* (4236)

Фонетическое и графическое неразличение *-ии* и *ий* затемняет грамматическую интерпретацию словоформы и препятствует однозначной лингвистической классификации нарушений. Например, слово *увлечений* может быть размечено либо как аномальная с точки зрения управления форма мн. ч. родительного падежа на месте предложного (**об их увлечений*), либо как синтаксически корректная форма ед. ч. (*об их увлечении*), содержащая орфографическую ошибку *-ий* вместо *ии*. Примеры с безударными окончаниями и *j*-основами отмечены тегом {Infl, Ortho} как орфографическая ошибка в окончании и не учитывались при подсчетах.

Вторая группа неинформативных контекстов связана с нарушениями в синтезе словоформы — это случаи, когда студент использовал существующее падежное окончание, не соответствующее типу основы:

- (6) В XVII веке актёров считали людьми, которые живут *без правил* (4287).

В примере (6) нарушено формообразование родительного падежа мн. ч.: окончание *-ов* для твердых основ мужского рода (*кот* — *котов*), присоединяется к основе среднего рода вместо нулевого окончания. Важно, что в данном примере нет нарушения правила синтаксического управления: окончание *-ов* маркирует родительный падеж, соответствующий управлению предлога *без*. Данный тип аномалий отмечен тегами {Infl, Morph} как некорректное формообразование — указанные контексты исключены из рассмотрения, кроме одного случая, в котором аномальное формообразование привело к нарушению падежного управления.

Третья группа неинформативных примеров — это слова с омофоничными окончаниями, которые противопоставлены орфографически,

но не различимы в произношении. Например, у эритажного носителя, слабо владеющего орфографической нормой и ориентированного в первую очередь на произношение, написание **между Ладого* (4176) может быть интерпретировано как РОД-ДАТ-ПРЕДЛ, поскольку в устной речи формы РОД *у Ладого*, ДАТ *к Ладого* и ПРЕДЛ *о Ладого* звучат одинаково: *у/к/о Ладог[и]*. Словоформы с омофонией падежных окончаний также не учитывались в количественном анализе.

Таким образом, в результате вторичной разметки значительно сужен состав выборки. Объектом исследования стали предложно-падежные сочетания, удовлетворяющие двум условиям: а) падежная словоформа поддается однозначной грамматической интерпретации и исключает омофонию с формой другого падежа; б) падежная словоформа не соответствует управлению предлога. Соответствующие контексты отмечены тегами {Gov, AgrCase}.

На этапе вторичной разметки проанализировано 6450 предложно-падежных групп, всего выявлено 129 надежных примеров аномального управления, то есть около 2 %. Доля показательных примеров недоосвоения падежного управления в общей выборке незначительна, однако важно учитывать, что информанты владеют русским языком на высоком уровне и проходят обучение в университете.

4. Процедура лингвистического анализа

Лингвистический анализ основан на традиционной классификации, выделяющей шесть падежей [Кустова 2011]: именительный (ИМЕН), винительный (ВИН), родительный (РОД), дательный (ДАТ), творительный (ТВОР) и предложный (ПРЕДЛ). При исследовании падежного управления необходимо принять во внимание синкретизм русского словоизменения: в зависимости от типа основы, количество формально противопоставленных словоформ варьируется от 3 до 5 [Якобсон 1958/1985; Зализняк 2002: 31]. Методологическая проблема состоит в том, что у разных основ синкретизм возникает в разных падежах. У слов мужского и среднего рода 2-го склонения, а также во мн. ч. нет специфической формы ВИН падежа: у одушевленных существительных ВИН=РОД, у неодушевленных ВИН=ИМЕН. У основ женского и мужского рода 1-го склонения есть самостоятельная форма ВИН падежа (*семья*, ВИН *семью*), однако наблюдается синкретизм

ДАТ = ПРЕДЛ (*к семье, о семье*). У слов 3-го склонения (*жизнь*) и разносклоняемых существительных (*время*) синкретизм возникает в трех падежах РОД=ДАТ=ПРЕДЛ: *для жизни — к жизни — о жизни, для времени — ко времени — о времени*. Синкретизм влияет на грамматическую интерпретацию словоформ в аномальных предложно-падежных группах. Например, в сочетании **для этой женщине* (4277) использована форма ДАТ-ПРЕДЛ на месте РОД. Контекст **с их частной жизни* (4324) содержит некорректную форму РОД-ДАТ-ПРЕДЛ на месте ТВОР. Выборка, состоящая из слов разных типов склонения, привела бы к искажению результатов квантитативного анализа, так как подсчеты отразили бы не столько число аномальных словоформ, сколько количество словоизменительных типов. Дальнейший анализ основан на принципе, согласно которому в выборку включены слова с одинаковым устройством падежного синкретизма.

Предварительный анализ системы русского словоизменения, основанный на Грамматическом словаре [Зализняк 1980: 26–27], показывает, что при исследовании предложно-падежных сочетаний однозначной интерпретации поддаются слова мн. ч., так как все флексии косвенных падежей различаются графически и фонетически за счет наличия согласных в окончании косвенных падежей (*-ей, -ам, -ами, -ах*). Различия словоформ внутри словоизменительной парадигмы мн. ч. проиллюстрированы в *Таблицах 1 и 2*, содержащих базовые графические типы основ [Зализняк 1980: 26].

Таблица 1. Субстантивная падежная парадигма
во мн. ч., одушевленные существительные

Table 1. Nominal case declension in plural, animate nouns

	ИМЕН	РОД=ВИН	ДАТ	ТВОР	ПРЕДЛ
мама	мам-ы	мам-□	мам-ам	мам-ами	мам-ах
тётя	тёт-и	тётъ-□	тёт-ям	тёт-ями	тёт-ях
мать	матер-и	матер-ей	матер-ям	матер-ями	матер-ях
кот	кот-ы	кот-ов	кот-ам	кот-ами	кот-ах
гость	гост-и	гост-ей	гост-ям	гост-ями	гост-ях
герой	геро-и	геро-ев	геро-ям	геро-ями	геро-ях
лицо	лиц-а	лиц-□	лиц-ам	лиц-ами	лиц-ах
дитя	дет-и	дет-ей	дет-ям	дет-ями	дет-ях

Таблица 2. Субстантивная падежная парадигма во мн.ч.,
неодушевленные существительные

Table 2. Nominal case declension in plural, inanimate nouns

	ИМЕН=ВИН	РОД	ДАТ	ТВОР	ПРЕДЛ
газета	газет-ы	газет-□	газет-ам	газет-ами	газет-ах
земля	земл-и	земель-□	земл-ям	земл-ями	земл-ях
жизнь	жизн-и	жизн-ей	жизн-ям	жизн-ями	жизн-ях
стол	стол-ы	стол-ов	стол-ам	стол-ами	стол-ах
рояль	роял-и	роял-ей	роял-ям	роял-ями	роял-ях
музей	музе-и	музе-ев	музе-ям	музе-ями	музе-ях
окно	окн-а	окон-□	окн-ам	окн-ами	окн-ах
поле	пол-я	пол-ей	пол-ям	пол-ями	пол-ях
ј-основы					
сценарий	сценари-и	сценари-ев	сценари-ям	сценари-ями	сценари-ях
лекция	лекци-и	лекций-□	лекци-ям	лекци-ями	лекци-ях
растение	растени-я	растений-□	растени-ям	растени-ями	растени-ях

В исследуемом материале наблюдается проблема графического различения ј-основ на *-ий*, *-ия*, *-ие*, ср. примеры в *Таблице 2*. Правила орфографии ориентированы на противопоставление всех словоформ в парадигме мн. ч., между тем у ј-основ фонетически слабо различаются формы ИМЕН, а также ВИН и РОД падежей в женском и среднем роде, ср. *лекции* и *лекций*, *растения* и *растений*. Указанное явление приводит к путанице на письме окончаний *-ии* и *-ий* (см. примеры выше), поэтому ј-основы не учитывались в квантитативном анализе.

Класс слов с таким же устройством синкретизма, как в парадигме мн. ч., есть и среди имен в ед. ч. В него входят существительные мужского рода с твердой основой независимо от ударения, существительные мужского и среднего рода с ударным окончанием, а также субстантивированные существительные, личные местоимения 3 л. мужского и среднего рода, см. примеры в *Таблице 3* (с. 375).

У основ, перечисленных в *Таблице 3*, оппозиция падежных словоформ построена на единых принципах: нет самостоятельной формы ВИН падежа, ВИН=ИМЕН у неодушевленных существительных и ВИН=РОД у одушевленных имен, нет синкретизма косвенных падежей и не возникает омофонии падежных словоформ в условиях фонетической редукции. У каждого типа основы различается 5 словоформ.

Таблица 3. Парадигма слов мужского и среднего рода

Table 3. The declension of masculine and neuter words

ИМЕН	РОД	ДАТ	ТВОР	ПРЕДЛ
журнал	журнала	журналу	журналом	журнале
человек	человека	человеку	человеком	человеке
день	дня́	дню́	днём	днё
окно	окна́	окну́	окном	окнё
он, оно	его	ему	им	нём
другой, другое	друго́го	друго́му	други́м	друго́м
тот, то	тогó	тому́	тем	том

Предварительный анализ русской именной парадигмы показал, что объективную картину развития вариативности в предложно-падежном управлении можно получить при исследовании слов следующих типов:

- мн.ч., кроме существительных с j-основами;
- мужского и среднего рода с ударными флексиями;
- всех слов мужского рода с твердой основой;
- других имен мужского и среднего рода: субстантивированных прилагательных, указательных и личных местоимений 3 л.

Аномальные предложно-падежные сочетания, содержащие имена перечисленных типов, включены в финальную выборку, на основе которой проводился квантитативный анализ.

5. Результаты квантитативного анализа

Исследованная выборка содержала 59 словоформ из 38 текстов — 23 формы ед. ч. и 36 форм мн. ч. Для каждого нарушения определена словоформа, употребленная аномально, и отмечен падеж, соответствующий правилам управления. Образец разметки представлен в *Таблице 4* (с. 376).

Предложенная процедура анализа позволяет собрать количественные данные о развитии вариативности в управлении и определить направление изменений: например, как часто используется РОД вместо ПРЕДЛ и наоборот. Поскольку у слов мужского и среднего рода ед. ч.,

Таблица 4. Образец разметки нарушений

Table 4. The sample of error annotation

номер текста	пример	аномальная форма	корректная форма	предлог
4174	В нем было интересно рассказано <i>о Хаджи Мурата</i>	РОД	ПРЕДЛ	о

а также в парадигме мн. ч. самостоятельная форма ВИН отсутствует, при разметке аномальных словоформ использовалась словоизменительная классификация, состоящая из 5 падежей: ИМЕН, ДАТ, РОД, ТВОР и ПРЕДЛ. В разделе «корректная форма» использовалась синтаксическая классификация из 6 падежей ИМЕН, РОД, ДАТ, ТВОР, ВИН и ПРЕДЛ в соответствии с репертуаром предложно-падежных сочетаний русского языка [Золотова 1988: 440–441; Сичинава 2018]. Отметка ИМЕН использована в тех случаях, когда при предлоге употреблена начальная форма.

Поскольку размер выборки небольшой (59 контекстов), проведена проверка того, что все зафиксированные нарушения равномерно распределены по текстам, а не сконцентрированы в нескольких работах. *Таблица 5* содержит данные о том, какое количество предложно-падежных аномалий зафиксировано в каждом тексте.

Статистический анализ, проведенный на основе *Таблицы 5*, показал, что среднее количество нарушений в тексте составляет 1,55 со стандартным отклонением 1,09, дисперсия выборки 1,22, дисперсия генеральной совокупности 1,19. На *Рисунке 1* представлена диаграмма размаха, отражающая частотность и распределенность по текстам аномальных предложно-падежных словоформ.

Таблица 5. Распределение предложно-падежных нарушений

Table 5. The distribution of case errors in prepositional phrases

номер текста	ДАТ	РОД	ТВОР	ИМЕН	ПРЕДЛ	всего
4143	0	1	0	0	0	1
4172	0	1	0	0	0	1
4174	0	5	0	0	0	5
4176	0	1	1	0	0	2

номер текста	ДАТ	РОД	ТВОР	ИМЕН	ПРЕДЛ	всего
4233	0	0	0	1	0	1
4236	1	1	0	0	0	2
4246	1	0	0	0	0	1
4250	0	0	0	0	1	1
4253	0	0	1	0	0	1
4255	1	3	0	0	0	4
4256	0	1	0	0	0	1
4258	0	0	0	0	1	1
4261	0	0	1	0	0	1
4266	0	0	0	0	1	1
4267	0	2	0	0	0	2
4270	0	1	0	0	1	2
4271	0	1	0	0	0	1
4272	0	4	0	0	0	4
4275	1	1	0	0	0	2
4277	1	1	0	0	0	2
4278	0	1	0	0	0	1
4284	0	2	0	0	0	2
4287	1	0	0	0	0	1
4294	0	1	0	0	0	1
4320	1	0	0	0	0	1
4322	0	0	0	1	0	1
4324	0	2	1	2	0	5
4331	0	1	0	0	0	1
4340	0	0	0	1	0	1
4353	0	1	0	0	0	1
4371	0	0	0	0	1	1
4385	0	0	1	0	0	1
4428	0	1	0	0	0	1
4438	1	0	0	0	0	1
4451	0	1	0	0	0	1
6012	0	1	0	0	0	1
6035	0	1	0	0	0	1
6038	0	1	0	0	0	1
всего	8	36	5	5	5	59

Данные на *Рисунке 1* указывают на устойчивую экспансию РОД внутри предложно-падежных сочетаний. Аномальные употребления остальных словоформ носят характер случайных выбросов и не формируют статистически значимых различий между собой.

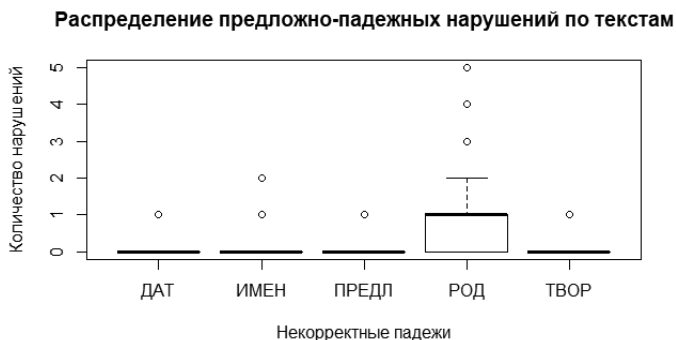

Рисунок 1. Распределение предложно-падежных нарушений по текстам
Figure 1. The distribution of case errors in prepositional phrases

Далее определены направления изменений внутри предложных групп и собраны данные о том, на месте каких падежей чаще всего наблюдается экспансия аномальных падежных словоформ. *Таблица 6* (с. 379) отражает две крупные тенденции: РОД используется вместо ПРЕДЛ и вместо ТВОР, 41 % и 17 % соответственно.

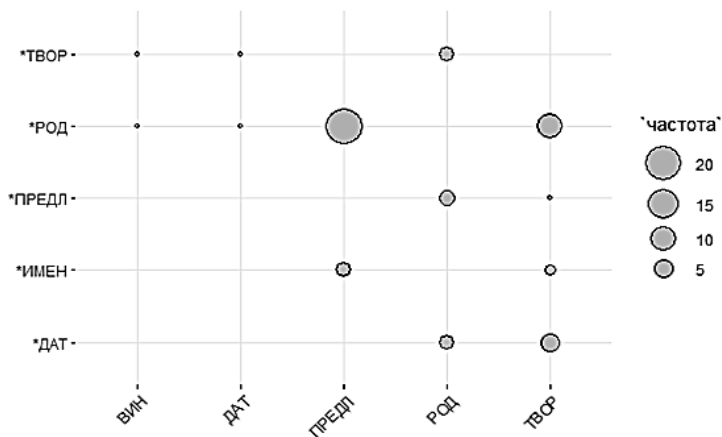

Рисунок 2. Направление изменений в управлении
Figure 2. The direction of change in preposition phrase government

Таблица 6. Направление изменений в управлении
Table 6. The direction of change in prepositional phrase government

аномальная форма	корректная форма	абсолютная частота	%
РОД	ПРЕДЛ	24	41 %
РОД	ТВОР	10	17 %
ДАТ	ТВОР	5	8 %
ПРЕДЛ	РОД	4	7 %
ДАТ	РОД	3	5 %
ТВОР	РОД	3	5 %
ИМЕН	ПРЕДЛ	3	5 %
ИМЕН	ТВОР	2	3 %
РОД	ДАТ	1	2 %
РОД	ВИН	1	2 %
ТВОР	ВИН	1	2 %
ТВОР	ДАТ	1	2 %
ПРЕДЛ	ТВОР	1	2 %
всего		59	100 %

Направление и интенсивность изменений в предложно-падежном управлении можно оценить на *Рисунке 2*, основанном на данных из *Таблицы 6*. Вертикальная ось показывает количество аномальных падежных словоформ со знаком *, на горизонтальной оси отмечены корректные словоформы, соответствующие стандартному управлению. Точка, лежащая на пересечении *РОД и ПРЕДЛ, отражает долю аномальных употреблений РОД вместо ПРЕДЛ. На *Рисунке 2* видно, что интенсивная экспансия форм РОД наблюдается в предложно-падежных группах с ПРЕДЛ и ТВОР, при этом нарушения в обратном направлении, то есть ПРЕДЛ вместо РОД, а также ТВОР вместо РОД появляются в единичных случаях. На *Рисунке 2* выделяется также аномальное употребление ДАТ вместо ТВОР, однако важно отметить, что количество таких примеров в выборке небольшое — всего 5 случаев. Наконец, распространенное при билингвизме употребление номинатива вместо косвенных падежей относится к редким явлениям в исследуемых текстах: ИМЕН отмечен вместо ПРЕДЛ и ТВОР в 1–2 случаях. Все примеры, вошедшие в финальную выборку, подробно проанализированы в следующем разделе.

6. Анализ примеров

6.1. Перестановки РОД и ПРЕДЛ падежей

Употребление РОД вместо ПРЕДЛ и наоборот — одна из распространенных падежных перестановок в вариантах русского языка, независимо от влияния иноязычного окружения. Это явление отмечено как в речи образованных носителей стандартного языка [Гловинская 1996; Гловинская 2012; Русакова 2013], так и в просторечиях и региональных вариантах [Вепова, Михайлова 2014; Лаптева 1999/2014], а также в диалектах, исторических текстах, в речи первого поколения мигрантов, ср. примеры М. Я. Гловинской [2004: 15]: *закон о выбор-ов, на Сахалине без осадк-ах, о новой Настасье Филипповн-ы.*

Направление указанной тенденции у финско-русских двуязычных студентов — это активная экспансия РОД на контексты с ПРЕДЛ. Аномальные употребления РОД вместо ПРЕДЛ встречаются преимущественно у слов мн.ч. — всего 19 случаев из 24. Важно, что примеры с нарушениями содержат основы с разными типами ударных и безударных окончаний, см. примеры с флексиями *-ов* и *-ей*:

- (7) после переезда, первые впечатления *о финнов* были у Т. хорошие (4271)
- (8) они жили на северном японском острове Хоккайдо, *Курильских островов* и Сахалине (4451)
- (9) так что бы ни одна буква не переходила ей назначинога места ни чуть, и ещё всё *в трёх ручно переписанных экземпляров* (4255)
- (10) клиенты видели меня *в разных моих жизненных моментов* (6035)
- (11) *на разных форумов* можно свободно практиковать своим общением (4277)
- (12) либо речь шёл бы *о разных видов* спорта (4278)
- (13) в фильмах, которые я посмотрела, рассказывалось — в каждом из них — *о москвичей*, у которых денег куры не клюют (4272)
- (14) но строгое воспитание происходило *в других частей* жизни (4324)

- (15) следы этих времён до сих пор видны — например *в тех людей*, которые переехали в XVI-XVII-ых веках (4255)
- (16) Информация *о писателей*... очень интересная (4174)

Следующие два контекста требуют отдельного комментария.

- (17) но прочитая этот статус стала сразу составлять в голове список *о друзей* которым должна купить подарок (4143)

Пример (17) содержит нарушение двух типов. Во-первых, некорректно используется предложно-падежное сочетание *о друзей* со значением темы при слове *список*. Во-вторых, наблюдается аномальное управление предлога *о* формой РОД, а не ПРЕДЛ.

- (18) Но если я бы могла изменить что-нибудь в русском менталитете, то я бы перевела внимание чиновников вместео (sic!) букв *на анкетов* на более важные проблемы (4255)

В случае (18) нарушено формобразование: окончание твердой основы мужского рода *-ов* присоединяется к слову женского рода вместо нулевого окончания. Однако использование словоформы с флексией РОД мн. ч. противоречит не только правилам синтеза, но и правилам управления, требующим словоформу ПРЕДЛ с окончанием *-ах*.

Исследователи предполагают, что путаница РОД и ПРЕДЛ может возникать по фонетическим причинам в результате слабого различия в произношении флексий *-ов* [ъф] и *-ах* [ъх], заканчивающихся на фрикативный звук [Русакова 2013: 125–126]. Между тем в исследуемом материале есть достаточное количество примеров некорректного использования слов с нулевыми флексиями, которые не содержат фонетических предпосылок для путаницы словоформ РОД и ПРЕДЛ:

- (19) в которых их как будто старают подталкивать к опыту говорить более открыто *о своих чувств* (4324)
- (20) оstonовилась я на том, как рассказывали *о жен* Петра первого (4267)
- (21) тем же самом забыть *о своих проблем* на какое-то время (4428)

Интересно, что эритажные носители злоупотребляют РОД даже в тех случаях, когда словоформа РОД устроена с точки зрения формобразования более сложно, чем форма ПРЕДЛ, ср. контексты, содержащие слова с беглым гласным и нулевым окончанием:

- (22) Что можно сказать *о бабушек и дедушек?* (4284)
- (23) я как-то сразу начинаю думать о бабочках или *о почтовых марках* (4275)
- (24) и люди толпятся *на платформах и остановок*, словно пингвины (4172)

В исследуемом материале путаница РОД и ПРЕДЛ наблюдается также у слов ед. ч.:

- (25) Информация о писателей, *например о Бунина* очень интересная (4174)
- (26) В нём было интересно рассказано *о Хаджи Мурата* (4174)
- (27) Он рассказывал о молодой, влюбленной паре, *о Жене и Романа*, которые решили переехать в Москву (4270)
- (28) *На света* осталось очень мало неизведанных мест куда не вступала нога человека (4331)

Примеры (23), (24) и (27) содержат однородные зависимые, при этом первый компонент сочетания употреблен в корректной форме, а второй — в форме РОД, аномальной с точки зрения управления. Данные контексты свидетельствуют о том, что экспансия РОД падежа проявляется в ситуациях, вызывающих ослабление синтаксического контроля, в данном случае — в дистантной позиции при наличии однородных зависимых.

Отдельный интерес представляет контекст с прилагательным:

- (29) Много рассказывалось *о Николае второго*, но это естественно, так как он был последним из Романовых и про него осталось много документов (4267)

Пример (29) содержит рассогласование: используется корректная морфологическая и орфографическая форма существительного в ПРЕДЛ и соотносительное прилагательное в форме РОД в постпозиции.

Важно отметить, что аномальное появление РОД на месте ПРЕДЛ наблюдается преимущественно в сочетаниях с предлогом *о* — 15 примеров, реже нарушения встречаются и в локативных группах с предлогами *в* и *на* — 4 и 5 случаев соответственно.

Обратная тенденция, то есть употребление ПРЕДЛ вместо РОД, выражена слабо, отмечено всего 4 примера с предлогами *у, с, вокруг*, среди них есть как формы мн. ч., так и ед. ч.:

- (30) *у разных народов* сложились свои правила социального поведения (4258)
- (31) *у финнах* к тому же приятный логический склад ума (4266)
- (32) листья желтеют и подают *с деревьях* (4371)
- (33) их покупал *вокруг мире* например из Швеции, России и Эспании (4250).

Таким образом, путаница РОД и ПРЕДЛ, свойственная современному русскому языку, в исследуемых текстах эритажных носителей с доминантным финским развивается в предложно-падежных сочетаниях преимущественно как экспансия РОД на контексты с ПРЕДЛ. Указанное явление устроено в структурном отношении иначе, чем соответствующее варьирование в стандартном русском. У обследуемых носителей финско-русского двуязычия оно охватывает не только формы мн. ч., но и ед. ч. Во мн. ч. не наблюдается предпосылок для фонетического смешения словоформ. Установлено, что благоприятными условиями для появления аномального управления РОД являются дисперсионные позиции, вызывающие ослабление синтаксического контроля.

6.2. Перестановки РОД и ТВОР

Путаница РОД и ТВОР в предложно-падежных сочетаниях относится к регулярным морфосинтаксическим инновациям в исследуемых текстах и проявляется как экспансия РОД на контексты, в которых требуется ТВОР. Доля указанных нарушений составляет 17 %, среди них встречаются как формы ед. ч. (6 примеров), так и формы мн. ч (4 примера). Всего зафиксировано 10 аномальных падежных словоформ, 9 из них употреблены при предлоге *между*:

- (34) во второй части было очень интересно рассказано о отношения *между Екатерины Великой и Петра* (4174)
- (35) главный сюжет фильма *любовь между Колгана* [Колчака — прим. Е. В.] *и жены* его друга (4256)

- (36) мне пришлось стараться найти какой-нибудь баланс *между своей игрой и оркестра* (4294)
- (37) Ингерманандия — *эта часть между Ладоги, и Финского залива* (4176)
- (38) Спор о природном газе *между Россишей* [sic! — прим. Е. В.] *и других стран* — тема сегодняшних разговоров (4236)
- (39) и какие вообще связи *вежду* [sic! между — прим. Е. В.] *членов семьи и родственников* (4274)
- (40) и узнаю кто я на самом деле, перестану быть что-то *между того*, что моя мать хочет, что мой отец хочет (6012)
- (41) все еще — не смотря на то, что отношения *между стран* являются теперь хорошими (4272)

Отмечен всего 1 случай аномального употребления РОД вместо ТВОР в контексте с предлогом *с*:

- (42) спорт — хорошее средство для борьбы *со стресса* (6038)

Употребление РОД на месте ТВОР встречается не только в исследуемых текстах, но и в речи финско-русских общин по записям XX вв. [Leisiö 2004: 181–183]. Механизм данного явления не вполне ясен, в статье [Leisiö 2004: 182] предложено два объяснения. В качестве основной причины указывается перенос правил управления финского языка: двуязычные носители используют аномальные предложно-падежные группы *между+РОД* как эквивалент финских адпозитивных сочетаний с серией послелогов *välillä / välissä* ‘между’, управляющих генитивом. Исследователь считает, что в русском языке имеются и внутренние структурно-семантические предпосылки для указанного нарушения [Leisiö 2004: 181], в частности, управление *между+РОД* встречается в литературных текстах XVIII–XIX вв., см. примеры [Филиппова 1964: 78–83].

Отметим, что предложно-падежное сочетание *между+РОД* допустимо и в современном русском литературном языке, однако его употребление ограничено синтаксическими и семантическими факторами. Во-первых, у предлога должно быть одно зависимое. Во-вторых, все сочетание должно описывать положение между предметами, модель *между + РОД* не допустима при обозначении лиц, промежутка времени или пространственной ориентации между группой объектов

[Кириченко 2002: 186]. Данные положения проиллюстрированы в примере (43), который содержит корректное предложение из НКРЯ (а) и грамматически неприемлемый вариант (б):

(43а) Это — мост, переброшенный между двух половинок космоса [Александр Волков. Миры Стивена Хоукинга // «Знание — сила», 2003].

(43б) **между* родителей и детей

Важно, что большая часть нарушений с РОД вместо ТВОР наблюдается, как правило, при предлоге *между*, который управляет двумя синтаксическими зависимыми, см. (34)–(40), то есть игнорируются синтаксические ограничения. В примере (41) наблюдается семантическое нарушение: *между*+РОД используется с однокомпонентным зависимым, описывающим отношения и абстрактные понятия. Наконец, случай (42) с предлогом *с* показывает, что путаница РОД вместо ТВОР распространяется и на другие предложно-падежные сочетания, однако данный процесс выражен очень слабо.

Как и в случае с путаницей РОД и ПРЕДЛ, экспансия РОД на контексты с ТВОР приводит к симметричным нарушениям — появлению ТВОР на месте РОД, однако такие случаи крайне редки, всего 3 примера:

(44) У нас есть язык, и это очень большой дар который разделяет нас *от остальных обитателями* этой большой планеты, которая зовется землею (4385)

(45) Многие семья иммигрировали в Финляндии не только *из-за финскими корнями* (4324)

(46) Решится это само по себе, *в зависимости от* желаний прусудствующих в сердце человека *и совершенным им трудом* (4261).

Проведенный анализ выявил сходство между основными тенденциями в предложно-падежном управлении, то есть перестановках РОД и ПРЕДЛ, а также РОД и ТВОР. В обоих случаях наблюдается широкая экспансия РОД, при этом симметричные замены встречаются в единичных случаях. Отличие между указанными тенденциями состоит в том, что аномальное управление РОД вместо ТВОР наблюдается в узком круге контекстов: количество нарушений меньше, они сконцентрированы в контекстах с предлогом *между* (за одним исключением), преимущественно в предложных группах с двумя зависимыми,

соединенными однородной связью. Между тем экспансия РОД на контексты с ПРЕДЛ отмечена в большом числе контекстов, при разных предлогах (*о, на, в*), преимущественно в предложных сочетаниях с одним зависимым, реже в группах с однородной связью в позиции второго, более дистантного зависимого. Экспансию РОД при финско-русском двуязычии исследователи связывают с межъязыковым переносом грамматической структуры адпозитивного сочетания в финском языке, в котором именная группа употребляется в форме партитива или генитива [Leisiö 2004; Nakulinen, Karlsson 1995: 154] — указанные падежные формы имеют функциональное пересечение с русским родительным падежом [Мустайоки 1984: 80–81].

6.3. Перестановки ДАТ и ТВОР

К редким нестандартным явлениям аномального управления относится путаница форм ДАТ и ТВОР: данное явление встречается в севернорусских диалектах только в парадигме мн. ч. [Пожарицкая 2005: 120], его причиной считается фонетическая близость флексий ДАТ *-ам* и ТВОР *-ами*, наиболее распространенный вариант нарушения — формы ДАТ на месте ТВОР. В этом же направлении указанное явление развивается в исследованной выборке. Отмечено 5 аномальных контекстов с ДАТ вместо ТВОР (47)–(51) и всего 1 пример (52) с путаницей ТВОР вместо ДАТ, ср:

- (47) не многие справились бы *с абсолютно любым ролям* (4287)
- (48) меня встретили два усатых старика, *с обветренными лицам* (4320)
- (49) общаетесь ли Вы часто *с русским* в Финляндии? (4255)
- (50) Россия жёшче стала относиться к положению *с Армянскому газу* (4236)
- (51) но мотивацию таких любей можно увидеть уже *перед переходу* к кассе (4277)
- (52) мы вместе ходили *по лесами* и веселились (4253)

В отличие от диалектных вариантов русского языка, путаница ДАТ и ТВОР в исследуемых текстах эритажных студентов наблюдается как в парадигме мн. ч., так и в парадигме ед. ч.

6.4. Перестановки ДАТ и РОД

Аномальные употребления форм РОД и ДАТ и развитие их синкретизма — известное диахроническое явление, свойственное русскому языку и наблюдаемое в диалектных вариантах, главным образом у слов женского рода [Пожарицкая 2005: 110–113]. В исследованной выборке, состоящей из форм мужского рода ед. ч. и мн. ч., путаница ДАТ и РОД относится к редким явлениям, всего зафиксировано 3 случая, в 1 из них употребляется РОД на месте ДАТ:

- (53) конечно, трудно понять каждую факту *благодаря быстрого темпа* (4174)

ДАТ на месте РОД отмечен в 2 примерах:

- (54) но *для кому-то другому* это может быть вся жизнь (4275)
- (55) я надеюсь, что война Афгана русским то же, что и Вьетнам *для американцем* (4246),

где словоформа *американцем* интерпретирована как подходящая по смыслу ДАТ мн.ч. (*американцам*), содержащая орфографическую ошибку.

Интересно, что аномальные употребления ДАТ вместо РОД наблюдаются только при предлоге *для*. Причиной путаницы этих форм могут быть не только структурные, но и семантические факторы. В русском языке наблюдается конкуренция ДАТ и предложно-падежной группы *для+РОД*, ср. пример: *Давай, Надя, примем знакомую для человечества позу* вместо *знакомую человечеству* [Лаптева 1999/2014: 230–233]. Существующая вариативность и семантическая близость формы ДАТ и группы *для+РОД* при маркировании адресата и бенефактива создают предпосылки для развития контаминированных предложно-падежных групп **для+ДАТ*. Данная аномалия интересна тем, что вместо упрощения управления наблюдается усложнение формальной структуры: в предложной группе используются два средства выражения одного и того же значения — предлог и форма ДАТ.

6.5. Формы ИМЕН в предложно-падежных группах

Важный показатель освоения предложно-падежного управления — это количество аномалий, связанных с использованием начальной

формы ИМЕН вместо косвенных падежей: указанные нарушения свидетельствуют об утрате словоизменения внутри предложно-падежных групп и тенденции к аналитизму, предлог становится единственным средством выражения грамматических и семантических отношений [Polinsky 2018: 178–180]. Данный феномен встречается на протоморфологическом этапе в детской речи и речи иностранцев [Цейтлин, Абабкова 2011: 183]. В исследованной выборке ИМЕН в предложно-падежных сочетаниях отмечен всего в 5 случаях:

- (56) еще сто лет тому назад, не говоря *о более древние времена*, путешествовать было очень опасно (4340)
- (57) и различии *между странами*, и их *гражданин* неизбежны (4324)

Интересно, что в ряде случаев предложно-падежная группа содержит прилагательное, которое употребляется в корректной форме, а сбой управления затрагивает только форму существительного:

- (58) *с таким человек* может быть неприятно (4322)
- (59) *а после первого год* ещё лучше, особенно после лета в Твери (6027)

В другом примере корректная и аномальная форма указательного местоимения *тот* встретились внутри одного предложения, ср:

- (60) Значит проблема финнов в том, что они боятся людей, которые говорят плохо — в этом случае на финском [sic! — Прим. Е. В.], или просто *в тот*, что другой человек родился в другой культуре? (4233)

Таким образом, употребление начальной формы в предложно-падежных сочетаниях довольно редко представлено у исследуемых взрослых носителей финско-русского двуязычия. Последние четыре примера свидетельствуют о том, что утрата словоизменения в предложных сочетаниях проявляется как сбой в речевом автоматизме, а не как массовое и системное нарушение.

6.6. Другие единичные нарушения

В данном разделе собраны единичные нарушения, не образующие системных тенденций. В одном случае зафиксировано использование ТВОР вместо ПРЕДЛ у личного местоимения 3 л.:

- (61) этот фильм я выбрала потому, что *под нем* было много интересных комментариев (4270)

В одном примере использован ТВОР на месте ВИН:

- (62) потому-что новый закон принимает их *за финнами* (4176)

Случай (62) не является в чистом виде синтаксическим нарушением предложного управления, аномалия также связана с моделью управления слова *принимать* в значении ‘считать’.

Наконец, всего в одном примере некорректно используется форма РОД вместо ВИН=ИМЕН:

- (63) Уже в Древней Греции философы искали истину и старались объяснить *через наук* как всё происходит (4353).

Важно, что в исследованной выборке, основанной на письменных текстах эритажных студентов, предложные группы с ВИН оказываются устойчивыми перед экспансией РОД. Например, в других вариантах финско-русского двуязычия задокументировано значительное число примеров, содержащих РОД на месте ВИН [Leisiö 2004: 182–183].

Таким образом, в группе редких явлений, связанных с аномальным употреблением форм внутри предложных групп, выявлено несколько специфических морфосинтаксических тенденций. Первая особенность состоит в том, что утрата управления внутри предложных групп и распространение ИМЕН у финско-русских двуязычных носителей проявляется слабо. Второй чертой является сравнительная устойчивость формы ДАТ, которая не только не вытесняется другими формами, но и используется в некоторых аномальных, формально усложненных предложно-падежных группах с предлогом **для+ДАТ* на основании семантического сходства беспредложного ДАТ и *для+РОД*. Третья особенность — устойчивость предложных групп, содержащих ВИН, перед общей экспансией РОД.

7. Заключение

Корпусный анализ предложно-падежных нарушений, содержащих словоформы мн. ч. и ед. ч. мужского и среднего рода, выявил несколько

регулярных явлений в развитии управления у эритажных носителей финско-русского двуязычия.

1. Появление аномальных форм внутри предложно-падежных групп носит не хаотичный, а системный характер. Во-первых, широко представлена путаница родительного и предложного падежей. Во-вторых, наблюдается регулярная путаница родительного и творительного падежей. О системности данных тенденций свидетельствуют сходные явления в других нестандартных вариантах русского языка — просторечиях, территориальных диалектах и речи финско-русских общин.

2. Нестандартное предложное управление развивается как экспансия формы родительного падежа внутри предложных групп. Полученные данные подтверждают ранее высказанные предположения о межъязыковом переносе и влиянии со стороны финского языка, в котором управление в адпозитивных сочетаниях более унифицировано, чем в русском: при предлогах и послелогах используются формы партитива или генитива, которые имеют функциональное сходство с русским родительным падежом.

3. Наиболее устойчивыми перед экспансией родительного оказываются предложные группы с винительным и дательным падежом. Наблюдаются редкие случаи усложнения формальной структуры в виде контаминированных предложно-падежных групп **для+ДАТ*, в которых маркирование аргументной структуры осуществляется за счет предлога и падежной формы с тем же значением.

4. Данные, полученные от эритажных носителей финско-русского двуязычия, показывают, что при интенсивном языковом контакте двух языков с развитыми системами падежного маркирования экспансия начальной формы, свидетельствующая о развитии аналитизма, наблюдается довольно редко.

В целом, недоосвоение морфосинтаксиса проявляется в широкой вариативности корректных и аномальных форм, имеющих характер спонтанных сбоев речевого автоматизма, часто в условиях ослабления синтаксического контроля. Указанные выводы описывают только управление в предложно-падежных группах и не учитывают явления, наблюдаемые в других синтаксических позициях.

Список сокращений

ИМЕН — именительный, ВИН — винительный, ДАТ — дательный, ПРЕДЛ — предложный, РОД — родительный, ТВОР — творительный.

Литература

- Вахтин и др. 2010 — Н. Б. Вахтин, А. Мустайоки, Е. Протасова. Русские языки // *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. *Slavica Helsingiensia*. 2010. № 40. С. 5–16.
- Вепрева, Михайлова 2014 — И. Вепрева, О. Михайлова. Грамматические ошибки в региональных СМИ // А. Никунласси, Е. Ю. Протасова (ред.). *Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие*. *Slavica Helsingiensia*. Т. 45. Helsinki: Helsinki University Press, 2014. С. 21–34.
- Выренкова и др. 2014 — А. С. Выренкова, М. С. Полинская, Е. В. Рахилина. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // *Вопросы языкознания*. 2014. № 3. С. 3–19.
- Гловинская 1996 — М. Я. Гловинская. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Е. А. Земская (отв. ред.). *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 237–304.
- Гловинская 2004 — М. Я. Гловинская. Общие типы изменений в языке первого поколения эмиграции // А. Мустайоки, Е. Протасова (ред.). *Русский человек в иноязычном окружении*. *Slavica Helsingiensia*. Т. 24. Helsinki: Helsinki University Press, 2004. С. 13–20.
- Гловинская 2012 — М. Я. Гловинская. О чём свидетельствует реакция носителей языка на грамматические инновации // А. Д. Шмелёв (отв. ред.). *Вопросы культуры речи*. Вып. XI. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 178–185.
- Зализняк 1980 — А. А. Зализняк. *Грамматический словарь русского языка*. М.: Русский язык, 1980.
- Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. *Русское именное словоизменение: с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию*. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Золотова 1988 — Г. А. Золотова. *Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского языка*. М.: Наука, 1988.
- Кириченко 2002 — А. С. Кириченко. Семантическая структура предлога «между» // *Исследования по теории грамматики - 2. Грамматикализация пространственных значений*. М.: Русские словари, 2002. С. 183–198.
- Кустова 2011 — Г. И. Кустова. *Падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.
- Лаптева 1999/2014 — О. А. Лаптева. *Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте*. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Мустайоки 1984 — А. Мустайоки. О разных степенях соответствия глагольного управления в русском и финском языках // *Studia Slavica Finlandensia I*. Helsinki: Neuvostoliittoinstituutti, 1984. P. 73–87.
- Мустайоки 1992 — А. Мустайоки (ред.). *Наши ошибки. Классификация ошибок в речи студентов русского языка Хельсинкского университета* // Helsinki

- yliopiston Slaavilaisten kielten laitoksen raportteja. Vol. 15. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1992.
- Никунласси, Протасова 2014 — А. О. Никунласси, Е. Ю. Протасова. О важности ошибок для исследования многоязычия // А. О. Никунласси, Е. Ю. Протасова. Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие. *Slavica Helsingiensia*. Т. 45. Helsinki: Helsinki University Press, 2014. С. 5–13.
- Пожарицкая 2005 — С. К. Пожарицкая. Русская диалектология. М.: Академический проект; Парадигма, 2005.
- Протасова 2012 — Е. Ю. Протасова. Языковая компетенция студентов-билинггов // Е. Е. Юрков, Е. Ю. Протасова, Т. И. Попова, А. Никунласси (ред.). Формирование и оценка коммуникативной компетенции билингвов в процессе двуязычного образования. СПб.: МИРС, 2012. С. 294–311.
- Протасова 2014 — Е. Ю. Протасова (ред.). Многоязычие и ошибки. Берлин: Retorika, 2014.
- Протасова, Салатов 2015 — Е. Ю. Протасова, И. Салатов. Карты, карточки, картинки. Вып. 7. Вот как-то так: жизнь в картинках. СПб.: Златоуст, 2015.
- Рахилина 2014 — Е. В. Рахилина. Грамматика ошибок: в поисках констант // В. А. Плунгян (ред.). Язык. Константы. Переменные. СПб.: Алетейя, 2014. С. 87–95.
- Русакова 2013 — М. В. Русакова. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Сичинава 2018 — Д. В. Сичинава. Предлог. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2018.
- Филиппова 1964 — В. М. Филиппова. Изменения в глагольных словосочетаниях // Н. Ю. Шведова (ред.). Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX в. М.: Наука, 1964.
- Хашимов 2018 — Р. И. Хашимов. Двуязычие и интерференция: сущность, типология и функционирование. М.: Флинта; Наука, 2018.
- Цейтлин 2011 — С. Н. Цейтлин (ред.). Путь в язык. Одноязычие и двуязычие. М.: Языки славянской культуры, 2011.
- Цейтлин, Абабкова 2011 — С. Н. Цейтлин, М. И. Абабкова. Освоение субстантивных синтаксисом русскоязычным ребенком и инофоном // С. Н. Цейтлин (ред.). Путь в язык. Одноязычие и двуязычие. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 164–190.
- Юрков и др. 2012 — Е. Е. Юрков, Е. Ю. Протасова, Т. И. Попова, А. Никунласси. Формирование и оценка коммуникативной компетенции билингвов в процессе двуязычного образования. СПб.: МИРС, 2012.
- Якобсон 1958/1985 — Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением: состав русских падежных форм // Р. О. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
- Nakulinen, Karlsson 1995 — A. Nakulinen, F. Karlsson. *Nykysuomen lauseoppia*. 3. painos. Jyväskylä: Gummerus, 1995.
- Leisiö 2004 — Leisiö L. *Sijamuotojen käytöstä Suomen venäjässä* // *Virittäjä*. 2004. № 2. S. 162–199.

- Polinsky 2018 — M. Polinsky. *Heritage Languages and Their Speakers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Rakhilina et al. 2016 — E. Rakhilina, A. Vyrenkova, E. Mustakimova, A. Ladygina, I. Smirnov. Building a learner corpus for Russian // E. Volodina, G. Grigonytė, I. Pilán, K. N. Björkenstam, L. Borin (eds). *Proceedings of the joint workshop on NLP for Computer Assisted Language Learning and NLP for Language Acquisition*. 2016. Umea: LiU Electronic Press, 2016. P. 66–75.
- Rubinstein 1995 — G. Rubinstein. On Case Errors Made in Oral Speech by American Learners of Russian // *The Slavic and East European Journal*. 1995. № 39 (3). P. 408–429. doi:10.2307/308241

Источники

- RLC = Russian Learner Corpus. URL: <http://web-corpora.net/RLC> (дата обращения 11.01.2020)
- НКРЯ = Национальный корпус русского языка URL: <http://www.ruscorpora.ru/old/search-main.html> (дата обращения 11.01.2020)

References

- Filippova 1964 — V. M. Filippova. *Izmeneniya v glagolnykh slovosochetaniyakh* [Changes in verb phrases]. N. Yu. Shvedova (ed.). *Izmeneniya v sisteme slovosochetaniy russkogo literaturnogo yazyka XIX veka* [Changes in the system of phrases of the Russian literary language of the 19th century]. Moscow: Nauka, 1964.
- Glovinskaya 1996 — M. Ya. Glovinskaya. *Aktivnye protsessy v grammatike (na materiale innovatsiy i massovykh yazykovykh oshibok)* [Active processes in grammar (based on linguistic innovations and frequent errors)]. E. A. Zemskaya (ed.). *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [The Russian language in the end of the 20th century (1985–1995)]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1996. P. 237–304.
- Glovinskaya 2004 — M. Ya. Glovinskaya. *Obshchie tipy izmeneniy v yazyke pervogo pokoleniya emigratsii* [General types of changes in the language of the first-generation emigrants]. A. Mustajoki, E. Protasova (eds.). *Russkiy chelovek v inoyazychnom okruzenii* [Russian person in foreign language environment]. *Slavica Helsingiensia*. Vol. 24. Helsinki: Helsinki University Press, 2004. P. 13–20.
- Glovinskaya 2012 — M. Ya. Glovinskaya. *O chem svidetel'stvuet reaktsiya nositelei yazyka na grammaticheskie innovatsii* [What does native speakers reaction to grammatical innovations tell us about]. A. D. Shmelev (otv. red.). *Voprosy kul'tury rechi* [Issues on Speech Culture]. Iss. XI. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2012. P. 178–185.
- Hakulinen, Karlsson 1995 — A. Hakulinen, F. Karlsson. *Nykysuomen lauseoppia* [Syntax of Modern Finnish]. 3. painos. Jyväskylä: Gummerus, 1995.

- Khashimov 2018 — R. I. Khashimov. Dvuyazychie i interferentsiya: sushchnost, tipologiya i funkcionirovanie [Bilingualism and interference: nature, typology, and functioning]. Moscow: Flinta; Nauka, 2018.
- Kirichenko 2002 — A. S. Kirichenko. Semanticheskaya struktura predloga «mezhd» [Semantic structure of the preposition mezhd]. V. A. Plungyan (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki 2. Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znacheniy* [Studies on grammar theory-2. Grammaticalization of spatial meanings]. Moscow: Russkie slovari, 2002. P. 183–198.
- Kustova 2011 — G. I. Kustova. Padezh. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki [The Case. Materials for the project of corpus-based description of the Russian grammar (<http://rusgram.ru>)]. [Published as a manuscript]. Moscow, 2011.
- Leisiö 2004 — L. Leisiö. Sijamuotojen käytöstä Suomen venäjässä [The use of case forms in Russian vernaculars in Finland]. *Virittäjä*. 2004. No. 2. S. 162–199.
- Lapteva 1999/2014 — O. A. Lapteva. Zhivaya russkaya rech s telekrana: razgovornyy plast televizionnoy rechi v normativnom aspekte [Live Russian speech on television: normative approach to the spoken layer of television language]. 7th edition. Moscow: LENAND, 2014.
- Mustajoki 1984 — A. Mustajoki. O raznykh stepenyakh sootvetstviya glagol'nogo upravleniya v russkom i finskom yazykakh [On different equivalency degree of verb government in Russian and Finnish]. *Studia Slavica Finlandensia*. Vol. I. Helsinki: Neuvostoliittoinstituutti, 1984. P. 73–87.
- Mustajoki 1992 — A. Mustajoki (ed.). Nashi oshibki. Klassifikatsiya oshibok v rechi studentov russkogo yazyka Khelsinkskogo universiteta [Our errors: classification of errors made by Russian language students from the Helsinki University]. *Helsingin yliopiston Slaavilaisten kielten laitoksen raportteja*. Vol. 15. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1992.
- Nikunlassi, Protasova 2014 — A. Nikunlassi, E. Yu. Protasova (eds.). O vazhnosti oshibok dlya issledovaniya mnogoyazychiya [On importance of errors in research of multilingualism]. A. Nikunlassi, E. Yu. Protasova (eds.). *Instrumentariy rusistiki: oshibki i mnogoyazychie* [Instrumentarium of Russian studies: errors and multilingualism]. *Slavica Helsingiensia*. Vol. 45. Helsinki: Helsinki University Press, 2014. P. 5–13.
- Polinsky 2018 — M. Polinsky. Heritage Languages and Their Speakers. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Pozharitskaya 2005 — S. K. Pozharitskaya. Russkaya dialektologiya [Russian dialectology]. Moscow: Akademicheskii proekt: Paradigma, 2005.
- Protasova 2012 — E. Yu. Protasova. Yazykovaya kompetentsiya studentov-bilingvov [Language competence of bilungual students]. E. E. Yurkov, E. Yu. Protasova, T. I. Popova, A. Nikunlassi. *Formirovanie i otsenka kommunikativnoy kompetentsii bilingvov v protsesse dvuyazychnogo obrazovaniya* [Formation and evaluation of communicative competence of bilinguals in bilingual education]. Saint-Petersburg: MIRS, 2012. P. 294–311.
- Protasova 2014 — E. Yu. Protasova. Mnogoyazychie i oshibki [Multilingualism and errors]. Berlin: Retorika, 2014.

- Protasova, Salatov 2015 — E. Yu. Protasova, I. Salatov. Karty, kartochki, kartinki. Vyp. 7. Vot kak-to tak [Cards, tiny cards, and pictures. Iss. 7. Vot kak-to tak]. Saint-Petersburg: Zlatoust, 2015.
- Rakhilina 2014 — E. V. Rakhilina. Grammatika oshibok: v poiskakh konstant [Grammar of errors: looking for constants]. V. A. Plungyan (ed.). *Yazyk. Konstanty. Peremennye*. Saint-Petersburg: Aleteiya, 2014. P. 87–95.
- Rakhilina et al. 2016 — E. Rakhilina, A. Vyrenkova, E. Mustakimova, A. Ladygina, I. Smirnov. Building a learner corpus for Russian. *Proceedings of the joint workshop on NLP for Computer Assisted Language Learning and NLP for Language Acquisition*. 2016. P. 66–75.
- Rubinstein 1995 — G. Rubinstein. On Case Errors Made in Oral Speech by American Learners of Russian. *The Slavic and East European Journal*. 1995. No. 39 (3). P. 408–429. doi:10.2307/308241
- Rusakova 2013 — M. V. Rusakova. Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka [Elements of anthropocentric grammar of the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013.
- Sichinava 2018 — D. V. Sichinava. Predlog. Materialy dlya proekta korpusnogo opisan- iya russkoy grammatiki [Preposition. Materials for the project of corpus-based description of the Russian grammar] (<http://rusgram.ru>). (Published as a manuscript) Moscow, 2018.
- Tseitlin 2011 — S. N. Tseitlin (ed.). Put v yazyk. Odnoyazychie i dvuyazychie [A path to language. Monolingualism and bilingualism]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2011.
- Tseitlin, Ababkova 2011 — S. N. Tseitlin, M. I. Ababkova. Osvoenie substantivnykh sintaksem russkoyazychnym rebenkom i inofonom [Acquisition of substantive syntaxemes by a monolingual child and a foreign learner]. S. N. Tseitlin (ed.). *Put v yazyk. Odnoyazychie i dvuyazychie* [A path to language. Monolingualism and bilingualism]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2011.
- Vakhtin et al 2010 — N. B. Vakhtin, A. Mustajoki, E. Protasova. Russkie yazyki [Russian languages]. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Slavica Helsingiensia. 2010. № 40. P. 5–16.
- Vepreva, Mikhailova 2014 — I. Vepreva, O. Mikhailova. Grammaticheskie oshibki v regionalnykh SMI [Grammatical errors in regional media]. A. Nikunlassi, E. Yu. Protasova (eds.). *Instrumentariy rusistiki: oshibki i mnogoyazychie* [Instrumentarium of Russian studies: errors and multilingualism]. *Slavica Helsingiensia*. Vol. 45. Helsinki: Helsinki University Press, 2014. P. 21–34.
- Vyrenkova et al 2014 — A. S. Vyrenkova, M. S. Polinskaya, E. V. Rakhilina. Grammatika oshibok i grammatika konstruksiy: «eritazhnyy» («unasledovannyy») russkiy yazyk [Grammar of errors and construction grammar: the «heritage» («inherited») Russian language]. *Voprosy yazykoznanija*. 2014. No 3. P. 3–19.
- Zaliznyak 1980 — A. A. Zaliznyak. Grammaticheskiy slovar russkogo yazyka [Grammatical repertoire of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk, 1980.
- Zaliznyak 2002 — A. A. Zaliznyak. Russkoe imennoe slovoizmenenie: s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu

- [Russian nominal inflection with a supplement of selected papers on Modern Russian and general linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2002.
- Zolotova 1988 — G. A. Zolotova. Sintaksicheskiy slovar: repertuar elementarnykh edinit russkogo yazyka [Syntactic dictionary: repertoire of elementary units of the Russian language]. Moscow: Nauka, 1988.
- Yakobson 1958/1985 — R. O. Yakobson. Morfologicheskie nablyudeniya nad slavyanskim skloneniem: sostav russkikh padezhnykh form [Morphological explorations of Slavic inflection: structure of Russian case forms]. R. O. Yakobson. *Izbrannye raboty*. Moscow: Progress, 1985.
- Yurkov et al. 2012 — E. E. Yurkov, E. Yu. Protasova, T. I. Popova, A. Nikunlasi. Formirovanie i otsenka kommunikativnoy kompetentsii bilingvov v protsesse dvuyazychnogo obrazovaniya [Formation and evaluation of communicative competence of bilinguals in bilingual education]. Saint-Petersburg: MIRS, 2012.

Resources

- RLC = Russian Learner Corpus. Available at: <http://web-corpora.net/RLC> (**accessed on 11.01.2020**)
- NKRYa = Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus] Available at: <http://www.ruscorpora.ru/old/search-main.html> (**accessed on 11.01.2020**)